NLAB

Маленький игрок

Баскетбольная притча о дружбе, учёбе и ответственности

Русское издание · 27 октября 2026

I

Рисунок

Было пять утра, и я сидела в спортзале, который не заслуживал названия.

Часы за секретарским столиком остановились на 2:42. Одно кольцо слегка клонилось к стене. Во всём здании пахло резиновым покрытием и кофе, который был горячим несколько часов назад.

Почти всю ночь я не спала и переписывала заметки о нашей первой игре. Мы проиграли двадцать три очка. Мои заметки винили нашу расстановку, наши решения и нашу самоотдачу — именно в таком порядке. Каждая новая версия была подробнее. Ни одна не объясняла, почему Мара перестала смотреть на меня ещё до перерыва.

Голос прозвучал совсем рядом, у моего локтя, и на мгновение я вздрогнула.

— Ты можешь нарисовать мне игрока, который учится?

Я подняла глаза.

У края секретарского столика стоял мальчик. Ему было лет двенадцать. На нём не было ни турнирного номера, ни клубных цветов. У ног стояла маленькая потёртая сумка. Через одну из молний была продета и завязана зелёная ленточка. Он стоял совершенно неподвижно.

Мальчик ждал.

— Баскетболиста?

— Если так проще.

Я перевернула один из своих протоколов и нарисовала игрока с мячом. Фигура стояла прямо, в равновесии, наготове.

Мальчик внимательно её рассмотрел.

— Это игрок, который ждёт.

Я посмотрела ещё раз. Он был прав. Игрок ждал свистка, указания или разрешения начать.

Я попробовала второй раз. Согнула ему колени, вложила мяч в обе руки и нарисовала глаза, смотрящие на воображаемое кольцо.

— Это игрок, который знает, что делать, — сказал мальчик.

— Разве учатся не для этого?

— Потом, может быть.

Я попробовала в третий раз. Этот игрок сильно вёл мяч: голова опущена, челюсти сжаты, как будто мяч вот-вот вырвется.

Мальчик покачал головой.
— Не похоже, что он это любит.

— А чтобы чему-то научиться, это нужно любить?

Его пальцы нашли зелёную ленточку на сумке. Он долго молчал.

— Не знаю. Это одно из того, что я пришёл узнать.

Я положила карандаш.
— Тогда нарисуй его сам.

— Я не умею. Поэтому и попросил тебя.

Есть дети, которым становится стыдно, когда взрослый теряет терпение. Есть те, кому становится страшно. Этот мальчик просто подождал, пока моё нетерпение пройдёт.

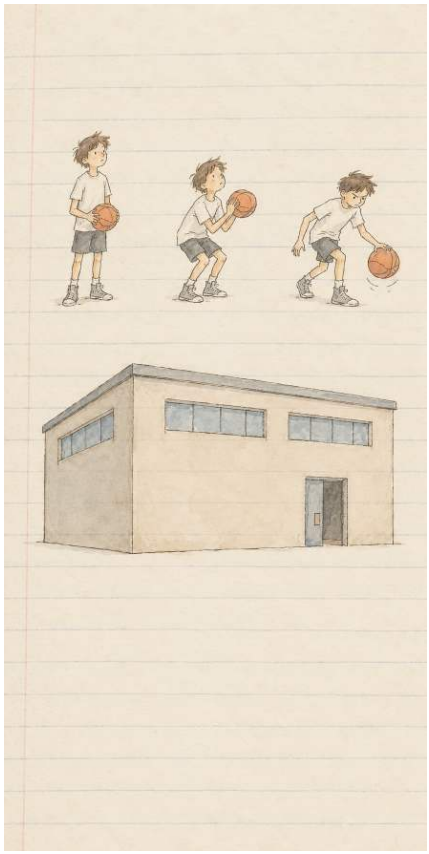
Я пробовала ногу, которая опаздывает на полсекунды, руку, тянущуюся к незнакомому пасу. На бумаге это выглядело как неловкость. Когда я исправляла, исчезало ощущение того, что человек учится.

В конце концов я нарисовала четыре стены, крышу, два высоких окна и приоткрытую дверь.

— Вот, — сказала я. — Игрок, который учится, внутри.

Мальчик наклонился ближе. Его плечи немного опустились.

— Да, — сказал он. — Там достаточно места, чтобы учиться.

Внутри было место, чтобы учиться.

Он сел на пол рядом с секретарским столиком.

— Разве ты не должен быть со своей командой? — спросила я.

— А где твоя?

На другом конце города наши игроки спали в дешёвой гостинице и верили, что я буду знать, что делать, когда они проснутся. Я перевернула свои заметки лицом вниз.

— Твоё имя есть в каком-нибудь списке? — спросила я. — Команда, номер?

— Нет.

Он сказал это так, как другие дети называют своё имя.

Я выдвинула стул рядом со своим. Сначала он поднял сумку, осторожно, чтобы пряжка не царапнула пол, и сел рядом со мной.

Сломанные часы по-прежнему показывали 2:42.

Так я познакомилась с мальчиком без номера.

II

Три кольца

Мальчик всё ещё был там, когда пришли уборщицы.

Они двигались вокруг него со швабрами и тележками. Он поднимал ноги, когда им нужен был пол под ними, и опускал, когда они проходили. Одна спросила, чей он. Он ответил: «Сегодня ничей», — и ей, похоже, это показалось вполне разумным ответом для турнира.

— Тогда зачем ты здесь? — спросила я, когда она ушла.

— Хотел посмотреть, как учатся настоящие игроки.

— Хочешь стать лучше?

— Думал, это может помочь.

Он посмотрел на площадки. На большинстве свет ещё не включили.

— А у тебя есть своя площадка? — спросил он.

Я подумала о площадках, которые на время брала взаймы, арендовала, пыталась арендовать и с которых меня просили уйти.
— Своей нет.

— А у меня есть.

Понемногу его площадка складывалась из того, что он рассказывал. Она была на улице, за рядом гаражей, бетонная, с забором вдоль одной стороны и фонарём, который зимой загорался слишком поздно. Ни большая, ни маленькая. Через линии шла трещина. В левом углу собиралась дождевая вода.

Он знал каждую трещину.

В центре стояла одна металлическая стойка. От неё отходили три кронштейна, на каждом щит и кольцо, и каждый смотрел на свой край площадки.

— Кто строит такую площадку?

— Тот, у кого хватило денег только на одну.

От любого кольца это была половина площадки. Но чтобы атаковать другое кольцо, нельзя было срезать путь. Нужно было стартовать под одним кольцом, обежать стойку длинной дорогой, мимо третьего кольца посередине, и выйти к тому, что напротив. Тогда половина площадки превращалась в целую.

Первый щит был потрёпан погодой, но ровный. На голом металлическом кольце совсем не было сетки.

— Это для ловли, — сказал он. — Я бросаю мяч в щит под всеми углами. Без сетки можно бросать в щит и из-под кольца. Важна только ловля.

Второй щит висел криво, а кольцо было с одной стороны отогнуто вниз. С погнутого обода неровно свисала старая сетка.

— Оно никогда не отдаёт мяч так, как ждёшь. Там мы с кольцом один на один. До десяти. — Он почти засмеялся. — Чаще всего оно выигрывает.

— Почему ты не выпрямишь кольцо?

— На нём я учусь больше всего.

Третье кольцо содержалось как следует: щит ровный, кольцо круглое и строго горизонтальное, и каждая петля сетки цела.

— Его я держу идеальным, чтобы не забыть, каково это — когда всё идеально.

Длинной дорогой получалась целая площадка.

Его пальцы нашли зелёную ленточку на сумке.

— Кто-нибудь ещё им пользуется? — спросила я.

— Кое-кто поменьше. Обычно она приходит раньше меня.

Пальцы так и остались на ленточке. Я ждала продолжения, но он стал рассказывать мне о трещине на площадке.

— Кто тебя всему этому научил?

— Кольца.

— Кольца не могут учить.

— Тогда почему ты всё время ставишь игроков рядом с ними?

Я достала блокнот. Он смотрел на карандаш.

— Ты запишешь то, что я сказал?

— Может быть.

— А попробуешь?

Задумавшись, я смотрела мимо блокнота на площадку.

Он рассказал, что каждое утро, перед тем как тренироваться, обходит свою площадку. Ищет расшатавшиеся камни, новые трещины и сорняки, которые лезут между линиями.

— Если выдернуть сорняк, пока он маленький, корень выходит вместе с ним, — сказал он. — Если подождать, он обрывается и снова растёт. Через какое-то время начинаешь думать, что ему там и место.

— А ты иногда пропускаешь утренний обход?

— Иногда пропускаю.

Этот ответ меня успокоил. Я уже начала сомневаться, забывает ли он хоть что-нибудь.

— А что бывает, если пропустишь день?

— Площадка на следующий день всё ещё там.

— Площадка тебя всегда ждёт, — сказал он. — Это одна из причин, чтобы она у тебя была.

Одна из уборщиц провела между нами широкой шваброй и стёрла наши следы с лакированного паркета.

III

Где или когда

В шесть начали приезжать первые команды.

Открывались двери. Сумки падали на пол. Мячи сбегали из корзин, и их звали обратно. Тренеры пересекали зал с кофе и уверенностью.

Мальчик смотрел, как девочка с отцом отрабатывает рывок под кольцо. Она бежала с фланга к кольцу. Пас ударился в стену за её спиной.

— Ещё раз, — сказал отец.

Она побежала быстрее. Второй пас попал ей в плечо.

— Ты не там.

Мальчик посмотрел на меня.
— Правда не там?

— Пас должен встретить её у кольца.

— Я знаю. Но в чём беда — где он её встречает или когда?

— Что?

— Где бежит она. Когда летит мяч.

Девочка прибегала в нужное место, но мяч прилетал после неё. Отец поправил ей траекторию. Она пробежала ту же траекторию ещё аккуратнее. Пас опять опоздал.

— Когда, — сказала я.

Мальчик кивнул.

Я подошла раньше, чем решила подойти.
— Можно я кое-что попробую?

Отец посмотрел на мою футболку, потом на мяч у себя в руках.
— Пожалуйста.

Я попросила девочку сделать тот же рывок. На этот раз я сказала отцу отпускать мяч в тот момент, когда она пересекает трёхочковую линию. Пас встретил её руки под кольцом.

Её лицо не праздновало успех. Оно его узнало.

Отец сказал:
— Я ей это и говорю.

Девочка держала мяч.
— Ты говорил мне, куда бежать.

Он открыл рот, потом посмотрел на линию, которую она пересекла.

— Можно ещё раз? — спросил он меня.

На следующем рывке он отпустил мяч раньше. Она поймала его под кольцом и принесла обратно.

На этот раз пас встретил её руки.

Я вернулась к секретарскому столику.

— Он ей этого не говорил, — сказал мальчик.

— Нет.

— Почему он думал, что говорил?

— Потому что взрослые часто помнят указание, которое собирались дать, а не то, которое дали на самом деле.

— Тренеры тоже так делают?

— Особенно тренеры.

Позади нас отец спросил: «Так лучше?» На этот раз он дождался её ответа.

После этого мальчик стал присматриваться ко мне внимательнее.

— Во вчерашней игре, — сказала я, — мы всё время сосредотачивались на *где*. Может, настоящий вопрос был *когда*.

— Может быть.

— Ты не очень уверен.

— Я не видел игры.

Впервые за то утро кто-то отказался иметь о ней мнение.

Я снова перевернула заметки. Рядом со словом РАССТАНОВКА я написала ВРЕМЯ.

Это была первая честная пометка, которую я сделала за всю ночь.

IV

Комната с кубками

Директор турнира нашёл нас в половине седьмого.

На нём была гарнитура с микрофоном, хотя в неё никто не говорил. Он посмотрел на мальчика, потом на свой планшет с бумагами.

— Имя? Команда? Номер?

У мальчика не было ни того, ни другого, ни третьего.

— Детям нельзя сидеть у секретарского столика без аккредитации, — сказал директор.

— А где ему можно сидеть? — спросила я.

Директор показал в сторону коридора.
— Где угодно, только не здесь.

И мы пошли.

Коридор заканчивался комнатой со стеклянными стенами, за которыми стояли кубки прошлых турниров. Полки были заставлены кубками. Остальное место занимали фотографии. На каждой в центре стоял тренер-победитель.

Внутри мужчина раскладывал медали ровными рядами.

— Рано пришли, — сказал он. — Хорошо. Победители приходят рано.

Он узнал меня и спросил о нашем поражении. Прежде чем я успела ответить, он сам предложил объяснение.

— Они недостаточно хотели.

Мальчик посмотрел на медали.
— А сколько — достаточно?

Мужчина улыбнулся.
— Больше, чем другая команда.

— А как увидеть, что кто-то хочет?

— Это видно по победе.

— Тогда как вы узнаёте до игры?

Мужчина перестал выравнивать медали.

Я попыталась его выручить.
— Он хочет сказать, что игроки должны бороться.

— Я знаю, что значит бороться, — сказал мальчик. — Я не знаю, как поражение доказывает, что кто-то хотел меньше.

Мужчина взял золотую медаль и протянул её к нему.

— Вот это доказывает.

— А что доказывает серебряная?

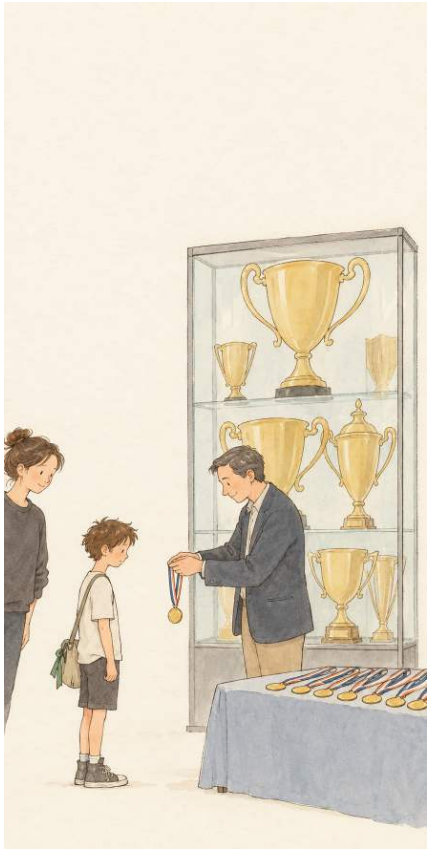
— Что кто-то стал вторым.

— Они хотели серебро?

— Никто не хочет серебро.

— Тогда решает не желание.

В комнате стало очень тихо — для места, где хранилось столько побед.

Он не взял медаль.

Мужчина повернулся ко мне.

— Он с вами?

— Нет, — сказала я.

Ответ прозвучал слишком быстро. Мальчик посмотрел на меня, потом на медаль.

Мужчина вернулся к своим рядам.

— Вот и хорошо. Такие вопросы заразны.

Мы вышли из комнаты с кубками.

В коридоре мальчик сказал:

— Ты хочешь сегодня выиграть?

— Очень.

— Значит, он был немножко прав?

— Немножко.

— В чём?

Я думала об этом дольше, чем ожидала.

— Желание важно. Просто его нельзя измерить медалью.

Он кивнул. Потом сказал:

— Ты могла бы сказать, что я с тобой.

— Я тебя почти не знаю.

— Это правда.

V

Видеозал

Следующая дверь была открыта.

Внутри шесть тренеров смотрели вчерашние игры на шести экранах. Все были в наушниках. Игроки на экранах были покрыты кругами, стрелками, углами и цветными пометками.

Один из тренеров махнул мне, чтобы я вошла.
— Мы нарезали клипы с вашей игры.

Он показал мне атаку из второй четверти. Наша разыгрывающая получила мяч на фланге, замешкалась и отдала его назад. Тренер остановил картинку.

— Плохое решение.

Он пометил этот момент красной меткой.

— А что ей надо было сделать? — спросил мальчик.

— Атаковать просвет.

— А просвет был открыт?

Тренер отмотал на три секунды назад.
— Вот.

— Он был открыт ещё до того, как она поймала мяч.

— Именно. Она была слишком медленной.

— А она могла его видеть?

Тренер увеличил вид сверху. С потолка было видно всё.

— Это любой увидит.

Мальчик показал на защитницу между нашей разыгрывающей и просветом.

— Мы видим поверх неё, — сказал он. — А твоя игрок могла?

— Должна была.

— Кто-нибудь показал ей, куда и как смотреть?

Тренер не ответил.

Мальчик держал палец на экране, на том месте, которое закрывала защитница.
— Тогда, может, это даже не ошибка, — медленно сказал он. — Может, она ещё не умеет искать просветы. Или умеет, но под тем углом, где она стояла, этого просвета не было видно.

Он провёл ногтем большого пальца по зелёной ленточке.
— Я тоже говорил кое-кому, что она должна видеть то, чего ещё не могла видеть.

Тренер ничего не сказал. Он сменил метку с красной на жёлтую. Это была небольшая перемена, но я её заметила.

А она могла его видеть?

На другом экране цифры показывали каждый пас, каждый бросок, каждый рывок, каждую ошибку вчерашнего дня — каждый шаг, который кто-то сделал. Цифры были красивые. С ними игры выглядели так, будто с самого начала знали, что они означают.

— Какая цифра поможет ей сегодня? — спросил мальчик.

— Все, — сказал второй тренер.

— Она не может взять их все на площадку.

— Для этого у неё есть мы.

Я посмотрела на застывшее изображение моей разыгрывающей. В перерыве я попросила её исправить одиннадцать вещей. Я могла перечислить их наизусть. Я не могла вспомнить, сказала ли она что-нибудь.

— Она сказала тебе, что видела? — спросил меня мальчик.

— Нет.

— А ты спросила?

— Нет.

Больше он ничего не сказал. Встал и подождал у двери.

Перед уходом я попросила клип. Тренер отправил его мне на телефон, без всяких пометок.

Я посмотрела его в коридоре. Без стрелок мне пришлось пересмотреть его три раза, чтобы найти просвет.

VI

Игрок, который бросил

Возвращаясь из видеозала, мы прошли мимо Площадки номер пять.

Там шла последняя минута игры. За секретарским столиком сидел высокий парень лет семнадцати с бейджем волонтёра на шее. Он вёл время, не поднимая глаз. Рядом с протоколом лежала толстая тетрадь в мягкой загнутой обложке.

Мальчик остановился.

— Он не смотрит игру, — сказал он.

— Он работает.

— На это он тоже не смотрит.

Прозвучала сирена. Команды пожали друг другу руки, а следующие две начали разминку. Волонтёр остался на месте. Мы сели на краю его стола.

— Ты играешь? — спросил его мальчик.

— Играл.

— Почему бросил?

— Тренер мне не доверял.

— Почему?

— Потому что я не становился лучше.

— А почему ты не становился лучше?

— Потому что он не давал мне играть.

Круг замкнулся. Я много раз слышала разные версии этого, обычно с безопасной стороны письменного стола.

Мальчик посмотрел на тетрадь.
— Что там?

Старший игрок повернул её к нам. Страница за страницей, мелким аккуратным почерком: даты, а под каждой датой — фразы. *Локоть внутрь. Мяч выше. Не смотри на скамейку. Видь слабую сторону. Бросай уверенно. Помедленнее. Быстрее.* Некоторые строчки были зачёркнуты. Некоторые были написаны дважды.

— Всё, что мне говорили тренеры, — сказал он. — Четыре года. Я всё записывал, чтобы не забыть.

— И ты забыл?

— Нет. В этом и была беда. — Он закрыл тетрадь. — К концу каждый раз, когда я ловил мяч, всё это было у меня в голове одновременно. Нельзя играть с сорока страницами в голове.

— Они были неправы?

— Чаще всего правы.

— Тогда что было не так?

Он подумал.
— Никто ни разу не сказал мне, что из этого и когда важно. И каждый раз, когда я пробовал что-то сам, появлялась новая страница.

Мальчик повернулся ко мне.
— А ты когда-нибудь доводила кого-нибудь до того, что он бросал?

Тетрадь старшего игрока лежала между нами. Я не могла отвести взгляд от её загнутой обложки.

— Наверное, не один раз, — сказала я. — Но в одном случае я уверена. Мальчик, который не умел забивать с двух шагов левой. Мне казалось, что он хороший. Я попросила его приходить по субботам пораньше — отчасти чтобы научить, отчасти чтобы проверить, достаточно ли он этого хочет.

— Он приходил? — спросил старший игрок.

— Дважды. На третью субботу не пришёл. И на тренировки больше не вернулся.

— И что ты себе сказала?

— Что ему не хватало целеустремлённости.

Какое-то время никто ничего не говорил.

Мальчик придвинул свой стул к моему. Ножки тихо и жалобно скрипнули по полу.

Мальчик снова повернулся к старшему игроку.
— А что ещё ты помнишь?

Старший игрок смотрел в пол.

Наконец он сказал:
— Однажды пришёл пас из угла. Я поймал его не глядя. Тот, кто бросил, знал, где я буду. Никому даже не пришлось ничего говорить.

— А сейчас ты бы так поймал?

— Не знаю.

Мяч с разминки закатился под стол. Мальчик поднял его. Без предупреждения он отдал пас — несильно, но неудобно. Старший игрок поймал мяч у груди.

— Это был ужасный пас, — сказал он.

— Но ты его поймал.

Старший игрок посмотрел на мяч в своих руках.

Девочка с разминки махала, чтобы ей вернули мяч. Он не покатил его обратно. Он встал и отдал ей пас — прямой и быстрый, — и она поймала мяч, не сбившись с шага.

Он снова сел. Немного погодя он убрал тетрадь в сумку под столом и застегнул молнию.

Его руки помнили.

Мы ушли до начала игры.

В коридоре я сказала:
— Надо было предупредить его перед пасом.

— Тогда я не узнал бы, помнят ли его руки.

— Ты мог его напугать.

Мальчик нахмурился. Это было первое моё замечание, которое он принял не сразу.

— Получилось же, — сказал он.

— В этот раз. Но ты не знал этого, пока не бросил.

После этого он шёл молча, глядя на свои руки. У следующей двери он подождал, пока я его догоню.

VII

Четырнадцать упражнений

В дальнем конце здания каждые двадцать четыре секунды звучал свисток.

Мы пошли на звук к Площадке номер двенадцать. Семеро детей переходили от упражнения к упражнению, а тренер переставлял фишки, собирал мячи, смотрел на часы и снова свистел.

Мы насчитали четырнадцать упражнений, тридцать пять свистков, ни одного вопроса и ни одного глотка воды.

Когда тренировка закончилась, тренер сел у стены. Казалось, он слишком устал, чтобы вынуть свисток изо рта.

— Какую задачу решало седьмое упражнение? — спросил мальчик.

Тренер закрыл глаза.
— А какое было седьмое?

— Две колонны. Ловля, поворот, пас.

— Его мы всегда делаем в семь пятнадцать.

— Это «когда». А для чего оно?

Тренер открыл глаза.

Я ждала, что он начнёт оправдываться. Вместо этого он сказал:
— Раньше я знал.

Он рассказал, что было время, когда у каждого упражнения была своя причина. Одно учило игроков поднимать голову и смотреть, прежде чем думать о руках. Другое — второму шагу после остановки. Третье ставило перед выбором: пас или проход.

— Потом клуб ввёл программу, — сказал он. — Потом оценки. Потом ещё возрастные группы. Объяснения становились короче. Спросить, когда что-то переставало работать, было уже не у кого.

— Делать одно и то же каждый день, — сказал мальчик. — Это хорошо?

— Раньше было хорошо. Так они и учились.

— А теперь?

— А теперь из-за этого я перестал о нём думать.

— Можно мы сделаем седьмое? — спросил мальчик.

Тренер посмотрел на выход.
— Через десять минут у меня другая группа.

— Тогда успеем несколько повторений.

Они встали друг напротив друга. Ловля, поворот, пас. Медленно.

На пятом повторении тренер сказал:
— Опорная нога остаётся на полу.

На шестом:
— Посмотри, куда отдашь пас, прежде чем ловить.

На седьмом он остановился.

— Вот для чего оно было.

Перед восьмым он убрал фишку, которая подсказывала мальчику, в какую сторону поворачиваться.

— Теперь выбирай сам, — сказал он.

Мальчик поймал мяч, прочитал, где стоит тренер, и развернулся от него.

— Лучше, — сказал тренер.

Перед восьмым он убрал фишку.

Когда вошла следующая группа, фишки всё ещё лежали кучей. Тренер усадил детей и спросил, чего они ждут от этой тренировки.

Никто не знал. Он всё равно дождался ответа.

Когда мы дошли до двери, он окликнул меня:
— Твоё первое упражнение в понедельник. Для чего оно?

Он не дал мне даже открыть рот.

— Ладно, расскажешь, когда приедешь на следующий турнир, — сказал он.

— Он мне понравился, — сказал мальчик, когда мы выходили.

— Почему?

— Потому что он хотел вспомнить.

— Он выглядел уставшим, — сказала я.

Мальчик оглянулся через стекло.

— Я был с ним слишком строгим?

— Не думаю. Ты просто помог ему вспомнить.

За стеклом тренер слушал девочку, которая только что подняла руку.

VIII

Одинаковые кроссовки

К восьми главный коридор был полон.

Игроки шли с площадки на площадку с одинаковыми сумками. За пять минут мимо нас прошло больше пятидесяти мальчиков. Многие были в одинаковых кроссовках. У многих было одинаковое серьёзное выражение лица, какое бывает у взрослых, когда они хотят выглядеть занятыми.

Женщина в гарнитуре направляла их.

— Площадка три — на Площадку семь. Площадка восемь — на Площадку четыре. Синяя команда — наверх. Красная — через дорогу.

— Куда они идут? — спросил мальчик.

— На следующую игру.

— А потом?

— На следующую.

— А когда они останавливаются?

— Когда проигрывают.

Рядом с ней под вывеской ДАЛЬШЕ, БЫСТРЕЕ стоял скаут. Он предлагал тестирования, рейтинги, места в выездных командах, индивидуальные тренировки, элитные лагеря и программу, которая обещала перескочить год развития.

— Какой год? — спросил мальчик.

— Медленный, — сказал скаут.

— А что происходит в медленный год?

— В основном основы.

— Тогда зачем мне его перескакивать?

Скаут протянул ему буклет. На обложке игрок летел сквозь дым к кольцу, которое никак не поместилось бы в эту фотографию.

— А куда я приду? — спросил мальчик.

— На следующий уровень.

— А что там?

— Уровень после него.

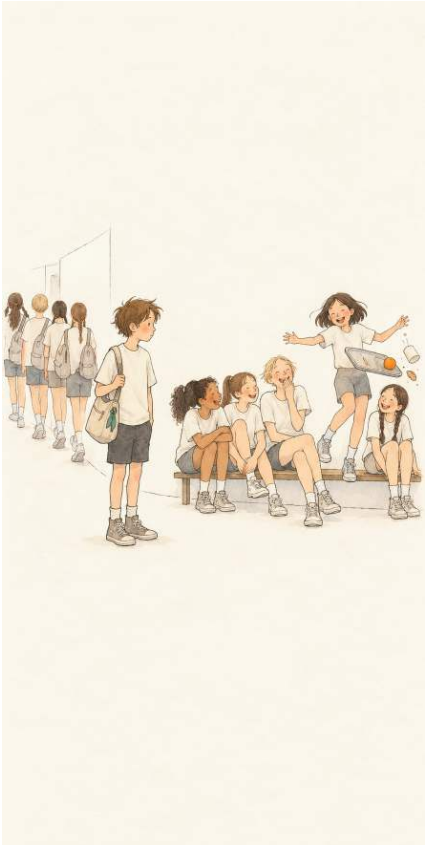
Мальчик вернул буклет.

— Я, пожалуй, пешком.

Скаут уже повернулся к другой семье.

Мы пошли дальше сквозь толпу. У дверей на скамейке сидела команда и смеялась над тем, что случилось за завтраком. Одна девочка стояла посередине и изображала, как другая уронила поднос. Их смех создавал вокруг них невидимый весёлый пузырь.

Мальчик смотрел слишком долго.

Мальчик смотрел слишком долго.

— Ниа так смеётся, — сказал он. — Когда промахивается или теряет мяч, она разыгрывает всё заново, с самого начала.

Это был первый раз, когда он назвал её имя.

— Однажды её мяч упал в лужу, — сказал он. — Она дала мне подержать сумку и потянулась за мячом. У неё слетела кроссовка и тоже упала в лужу. И вот я держал её сумку и её мяч, а она вылавливала кроссовку.

Он почти улыбнулся. Его ладонь раскрылась, будто всё ещё держала эти вещи.

— Ты мог бы к ним присоединиться, — сказала я и кивнула на команду.

— Я их не знаю.

— Обычно так и бывает, пока не присоединишься.

— У них и так хватает игроков.

— В команде обычно находится место ещё для одного.

Он остановился и крепче сжал ремень сумки. Мне было что ещё сказать, но я не стала.

— Посидишь со мной, пока они не придут? — спросила я.

Он кивнул.

Мы нашли скамейку у моей раздевалки. Он оставил мне место, не поднимая глаз.

IX

Скамейка

Моя команда пришла в восемь пятнадцать.

Они нашли нас на скамейке у нашей раздевалки. Тесс отдала мне ключ от номера, который я оставила в двери гостиницы. Мара попросила мальчика убрать сумку, чтобы она могла сесть.

Я собрала их у пустого экрана в видеозале.

— Вчера я дала вам слишком много ответов, — сказала я. — Сегодня у меня только два вопроса.

Тесс, наш капитан, скрестила руки.
— Вчера у вас было одиннадцать ответов. А теперь вам нужны наши?

— Да.

Она не разжала рук.

Я включила клип без пометок — наша разыгрывающая на фланге.

— Мара, что ты увидела?

Мара посмотрела на меня, чтобы понять, не проверка ли это.

— Их высокая была наверху. Я думала, просвет закроется.

— Что тебе было нужно?

— Пас раньше. Или чтобы Лив рванула позже. Мы прибежали одновременно.

Где и когда.

Лив подалась вперёд.
— Я думала, что опоздала.

— Ты поторопилась, — сказала Мара.

Мы посмотрели ещё раз. Когда мы смотрели под разными углами, решения принимали разные формы.

Двадцать минут игроки говорили больше меня. Их объяснения были очень сбивчивыми. Они много раз противоречили сами себе, но в конце концов нашли проблему, которую пропустили мои три страницы заметок и которая всё это время была у нас перед глазами. Под конец Тесс сказала: «Их высокая всегда выходит, когда мы переводим мяч на другую сторону». Потом сделала вид, что злится на себя за то, что это сказала.

Тут Мара заметила мальчика.

— Он тренируется с нами?

Я посмотрела на него. Я вспомнила комнату с кубками.

— Он со мной, — сказала я.

Мальчик опустил глаза.

— Он умеет играть? — спросила Мара.

— Умею, — сказал он.

— Отлично. Нас девять.

На площадке мы играли три на три на одно кольцо. Мара предложила засчитывать попадание, только если мяча коснулись все трое. Остальные согласились попробовать.

Мальчик прекрасно двигался без мяча. Останавливался в равновесии, рано замечал свободное место и ловил каждый трудный пас.

Но каждый раз, получив мяч, он застывал.

Он перебирал каждый вариант, пока тот не исчезал.

— Отдавай! — крикнула Мара.

Он сделал безопасный пас назад, туда, откуда пришёл мяч.

Следующая атака была такой же. Найти просвет он умел. Отдать мяч кому-то другому было труднее.

Я остановила игру.

— Что ты видишь? — спросила я его.

— Много чего.

— Выбери одно.

— А если неправильно?

— Тогда вместе исправим, — сказала Мара.

— Я ещё не уверен.

— Ты видел, как Лив стартовала, — сказала я. — Попробуй отдать пас, когда она побежит. Потом посмотрим, что получилось.

В следующей атаке он поймал мяч наверху. Лив рванула. Он отдал пас, а защитница Лив уже стояла на линии передачи. Она выбила мяч.

— Ещё раз, — сказала Лив.

Во второй раз защитница даже не посмотрела на Лив. Она была уверена, что пас придёт.

Мара остановила мяч.
— Она не тебя держит. Она держит твой пас. Ты никогда не идёшь к кольцу, так что о тебе ей можно не беспокоиться.

Мальчик посмотрел на кольцо так, будто кто-то придвинул его ближе.

Лив показала на нарисованную дугу под кольцом.
— Если сможешь нарисовать ей два глаза, она тебе улыбнётся. Это Смайлик. Попробуй до него добраться. Заставь её выйти на тебя.

В следующий раз он пошёл в проход: два шага к Смайлику. Защитница Лив бросила её, чтобы остановить его. Он отдал пас. Мяч нашёл Лив на ходу. Лив положила мяч и показала на него. Тесс поймала мяч под сеткой и вынесла его за трёхочковую линию.

Впервые мальчик улыбнулся, не пытаясь этого скрыть.

Заставь её выйти на тебя.

Последние несколько минут мы играли без правила, что мяча должны коснуться все трое. Лив по-прежнему показывала ему руки, когда стартовала. Он по-прежнему искал правильный момент для паса. Один раз, когда на него никто не вышел, он оставил мяч себе и забил сам. Никто ему этого не подсказывал.

Следующим пасом Тесс нашла Мару на свободном месте. В следующей атаке Тесс попросила мяч обратно. Мара отдала.

Когда мы закончили, мальчик сел рядом со мной, чтобы перешнуровать кроссовку. Я убрала ногу, чтобы не мешать. Он завязал узел и остался сидеть.

X

Игра

К перерыву мы проигрывали одиннадцать очков.

Прежняя версия меня вошла в раздевалку первой. Она несла лист статистики, поправки, кто кого держит и речь о том, что времени терять нельзя. Она была готова заполнить каждую паузу, прежде чем игроки успеют хотя бы услышать собственные мысли.

Я оставила её ждать за дверью.

— Наша проблема во времени или в пространстве? — спросила я.

Мара ответила первой.
— Время. Мы видим, но мяч приходит, когда подстраховка уже вернулась.

— Что мы можем изменить?

Игроки спорили. Ханна хотела больше проходов: если мы попадём в трёхсекундную зону, подстраховке придётся решать раньше. Тесс хотела занять углы, чтобы подстраховке было дальше бежать, а у нас появилось место. Кто-то хотел меньше ведения и больше рывков. Лив сказала, что мы делаем рывки, потому что так велит комбинация, а не потому, что там есть место.

— Тогда перестаньте пытаться разыграть комбинацию, — сказала я.

Моя помощница уставилась на меня.
— Мы потратили на неё три последние тренировки.

— Тогда что играем?

— То, что видим, — сказала Лив. — То, что нам дают.

— Значит, три тренировки впустую?

— Нет, — сказала Мара. — Благодаря им мы знаем, на что смотрим.

Мальчик сидел на краю скамейки в запасной разминочной футболке. Правила турнира не позволяли ему играть. Он следил за каждой атакой так, будто был в ней сам.

В третьей четверти мы стали ошибаться быстрее. Мара пошла в проход прямо в стену подстраховки. Лив рванула слишком рано. Ханна отдала пас в место, которое ещё никто не выбрал.

Я чуть не взяла тайм-аут.

Потом они начали подстраиваться.

Пасы уходили раньше. Рывки ждали. Углы заполнялись. На каждый бросок все пятеро шли на подбор. Когда мы забирали мяч, бежали все, даже Ханна, которая терпеть не могла бегать. Промах после подбора превращался в лишний пас и лучший бросок. Скамейка начала вслух называть то, что видела.

— Угол пустой!

— Страховка есть!

— Лишний!

Пас Ханны улетел в третий ряд.

— Я ещё не стартовала! — крикнула Лив.

Ханна кивнула и побежала назад в защиту.

В середине четвёртой четверти Мара встала перед соперницей, шедшей в проход, и заняла позицию. Соперница врезалась прямо в неё. Свисток был против Мары.

Судье было лет шестнадцать. Он находился позади эпизода.

Мара в ярости развернулась к нему. Я встала.

— Мне показалось, ты успела встать, — сказала я ей. — Спросим его в перерыве. Играй дальше.

Она продолжала смотреть на судью.

— Кривое кольцо, — сказал мальчик с края скамейки.

Мара посмотрела на него, не понимая, что он имеет в виду. Выдохнула и побежала назад в защиту.

Через две атаки та же соперница снова пошла в проход. На этот раз Мара оказалась там на шаг раньше — ровно и неподвижно, так что даже судья позади эпизода мог её видеть. На этот раз он свистнул фол в нападении.

В следующей атаке она первой оказалась у ничейного мяча. Когда девочка, гнавшаяся за ним, споткнулась рядом, Мара наклонилась и помогла ей встать.

За десять секунд до конца мы проигрывали одно очко.

Я взяла тайм-аут.

Игроки смотрели на меня.

— Что вы видите? — спросила я.

Никто не ответил сразу. Потом мальчик подался вперёд.

— Когда Мара поднимает мяч, куда смотрит их высокая?

— На мяч, — сказала Лив. — Всегда на мяч.

Лив взяла у меня маркер и поставила две точки внутри маленькой дуги под кольцом. Получилось улыбающееся лицо. Мальчик улыбнулся ему в ответ.

— Смайлик, — сказала Лив.

Она нарисовала пять маленьких кружков, широко расставленных: два в углах, два на флангах и один наверху. Потом стрелку через просвет к Смайлику.

Мара показала на неё.
— Я туда пройду.

— А если выйдут меня остановить? — спросила Мара.

Лив провела линию обратно в угол.
— Тогда я здесь.

Остальные склонились над доской. Тесс отодвинула один кружок пошире. Ханна стёрла линию, которая пересекала путь Мары. Лив поставила себя в угол и дважды постучала по доске.

Их комбинация на нашей доске.

— А если промахнёмся? — спросила моя помощница.

— Значит, промахнёмся, — сказала Мара.

Мара пошла в проход к Смайлику. Их высокая вышла на подстраховку, чтобы её остановить. Лив осталась широко и показала руки, прося пас, и мяч дошёл до неё раньше, чем защитница успела вернуться.

Она поймала, поставила ноги и бросила.

Мяч покрутился по кольцу и вывалился. Тесс пошла на подбор. Сирена прозвучала прежде, чем она успела снова бросить.

Мы проиграли одно очко.

Несколько секунд никто не двигался.

Лив села и ослабила шнурки на одной кроссовке. Руки у неё слегка дрожали. Тесс молча села рядом.

Потом Лив показала на Мару.
— Это был правильный пас.

— Но я всё равно хотела, чтобы он залетел, — добавила она.

— Я тоже, — сказала Мара.

Мальчик посмотрел на Лив.
— В следующий раз?

— В следующий раз, — сказала она.

Когда команды пожимали руки, тренер соперниц задержала мою ладонь на мгновение дольше обычного.
— Вы что-то поменяли в перерыве, — сказала она. — До сих пор не пойму, нам от этого стало хуже или вам лучше.

Мальчик ждал у выхода в подтрибунное помещение.

— Как думаешь, мы чему-нибудь научились? — спросила я его.

— Узнаешь, если завтра это никуда не денется.

XI

Работа под полом

После игры мальчик вернул Маре одолженную футболку. Мяч закатился под нижний ряд трибун.

Мальчик полез за ним. Мы услышали, как он зовёт из темноты.

За сложенными сиденьями было узкое техническое пространство, полное пыли, старой ленты и вещей, потерянных за много сезонов: красный носок, две бутылки для воды, свисток, детские очки и десятки баскетбольных мячей, которые стали мягкими.

Появилась смотрительница зала с ручным насосом.

— После каждого турнира, — сказала она, — я собираю то, что проглотило здание.

Она проверила каждый мяч. Одни держали воздух. Другие травили у ниппеля. Один лопнул по шву.

— Зачем вы их чините? — спросил мальчик. — Наверху есть новые.

— Наверху всегда думают, что есть новые. А здесь, внизу, мы знаем, сколько их.

Она протянула ему насос.

Он работал, пока первый мяч не стал круглым у него в руках. Дело шло медленно. Ничто в нём не было похоже ни на рост, ни на учёбу.

— Кто видит, как вы это делаете? — спросил он.

— Обычно никто.

— Тогда откуда они знают, что это важно?

— Не знают. Завтра они просто будут стучать мячом.

Он накачал ещё один.

Пока он качал, я складывала мячи, которые держали воздух. Плечи начали приятно ныть. Над нами продолжались игры. Скрипели кроссовки. Звучали свистки.

Завтра они просто будут стучать мячом.

Смотрительница нагнулась и подняла что-то из пыли. Зелёную ленточку.

— Твоя?

Мальчик ощупал молнию на сумке. Узел развязался, пока он ползал.

— Это Ниа, — сказал он. — Её ленточка.

Он не стал завязывать её обратно. Он держал её расправленной на ладони.

Её зовут Ниа, рассказал он нам. Ей восемь лет, и она живёт рядом с его площадкой. По вечерам она тренируется под идеальным кольцом, потому что только до него может добросить. Он подбирает ей мячи. Она считает попадания.

— Иногда она приходит раньше меня, садится на мяч и ждёт меня. Говорит, что так его занимает.

Говорит, что так его занимает.

Он положил ленточку на колено.

— Она привязала это к сетке, чтобы все знали, какое кольцо её. Однажды она попросила меня посмотреть её бросок. Я как раз выдёргивал сорняки. Она подождала, пока я положу садовую вилку.

— Попала?

— Нет. Сказала, что я плохо смотрел.

Он немного улыбнулся и снова взял насос.

— Я помогал ей с ногами. Потом с руками. Иногда она сама просила. Потом я перестал ждать, пока она попросит.

— А что она делала?

— Иногда пробовала. Иногда держала мяч, пока я не замолчу. Я думал, она слушает.

Он хотел, чтобы она полюбила игру. Он начал решать, как должна выглядеть эта любовь.

Потом по воскресеньям вечером стали приходить старшие ребята. С шести они играли на двух других кольцах, пока не загорался фонарь.

— В последний раз, когда я пришёл, она уже играла с ними. Я принёс ей её маленький мяч. Она помахала, но не подошла.

Он перевернул ленточку.

— Я её позвал. Она сказала, что я тоже могу играть. Я сказал, что она ещё не готова играть с ними. Она теряла мяч каждый раз, когда к ней подходили.

Он зажал насос между коленями.

— Я всё время говорил ей, где встать. Она сказала, чтобы я перестал. Потом она промахнулась, и я опять стал говорить ей про ноги.

— И что она сказала?

— Что идеальное кольцо я держу для себя. Она сорвала это с сетки и вложила мне в руку. Сказала: «Оставь себе своё идеальное кольцо».

— Но ты же держал его для неё.

— Да.

Над нами кто-то уронил мяч. Мы послушали, как он несколько раз отскочил.

— Я спросил, когда она хочет тренироваться. Она сказала, что может тренироваться одна.

Он положил насос.

— А у меня в руках всё ещё был её мяч.

Смотрительница взяла накачанный мяч и один раз ударила им об пол. Здесь, внизу, звук был громче.

— Поэтому я и пришёл сюда, — сказал он. — Посмотреть, как учатся игроки. И тренеры.

Смотрительница вернула ему мяч и продолжила проверять ниппели.

— Можно мне взять этот? — спросил он.

— Можно. Принеси обратно, если ниппель начнёт травить.

Мальчик снова продел ленточку через молнию, завязал её дважды и крепко затянул узел.

Мы отнесли хорошие мячи наверх. В последний заход он взял один из моей кучи. Мы поднимались медленно, и ни один из нас почти ничего не говорил.

XII

Ответный пас

К вечеру турнирный зал опустел.

Моя команда уехала в гостиницу. Смотрительница выключала площадки, ряд за рядом ламп, начиная с дальнего конца. Кто-то днём починил часы за секретарским столиком. Они показывали десять минут шестого.

Мальчик посмотрел на часы.

— Автобус ещё ходит?

Я посмотрела расписание в телефоне. Был ещё один.

— Завтра воскресенье, — сказал он. — Большие приходят в шесть.

Я думала, что мы, может быть, останемся на Площадке номер один, пока смотрительнице не придётся запирать.

— Ниа там будет?

— Обычно она приходит раньше меня.

Он перекинул ремень сумки через плечо. Починенный мяч он зажал под другой рукой.

Мы нашли выход, когда погас последний ряд ламп.

Снаружи по дальнему краю парковки ехали командные автобусы. Он открыл сумку. Внутри были маленький мяч и садовая вилка, чтобы выдёргивать сорняки из трещин. Он положил мой первый рисунок — зал с приоткрытой дверью — между ними.

— Я его не закончила, — сказала я.

— Поэтому он мне и нужен.

Потом он отвязал ленточку от молнии и намотал её на два пальца.

— Привяжешь её обратно к идеальному кольцу?

— Я отдам её ей. Пусть привяжет там, где захочет играть.

Он показал на автобусную остановку через дорогу. Мы перешли вместе.

— Я ещё не сказал ей, что мне жаль, — сказал он.

Мы сели на скамейку под навесом. Мяч лежал у его кроссовок. В стекле рядом с нами сидели наши отражения — чуть темнее и чуть дальше.

Автобус опаздывал. Никто из нас не жаловался.

Мы посидели ещё немного. Через дорогу одна за другой загорелись лампы над площадкой. Он подался вперёд, чтобы посмотреть, есть ли там кто-нибудь.

Автобус опаздывал. Никто из нас не жаловался.

— Когда ты ночью увидишь маленькую освещённую площадку, — сказал он, — ты не будешь знать, моя ли она.

— Не буду.

Он разгладил ленточку большим пальцем.

— Я не знаю, будет ли она ждать.

Я осталась рядом с ним. На дороге пока ничего не было.

Автобус вывернул из-за угла.

Он взял мяч. Я потянулась за его сумкой, прежде чем вспомнила, что она его. Он позволил мне донести её до двери.

— Ты вернёшься? — спросила я.

— Не знаю.

Ответ был маленький и совсем обыкновенный. Мне нечего было сказать полезного.

Он взял сумку. На верхней ступеньке он обернулся и поднял руку. Я подняла свою.

Он выбрал место у окна и положил мяч на колени. Когда автобус тронулся, он поднял к стеклу обе ладони, раскрытые, — так, как Лив показывала свои перед рывком.

Я отдала ответный пас.

Когда автобус уехал, я оставалась, пока в стекле остановки не осталось только моё отражение.

Какое-то время, переворачивая протокол, я каждый раз ждала голоса у своего локтя.

Вечерами, проходя мимо площадки с включённым светом, я останавливаюсь. Ищу мальчика, который ждёт, пока пройдёт чужое нетерпение. Иногда там только смотритель, который запирает. Иногда я слышу мяч задолго до того, как вижу, кто играет.

Я не знаю, что сказала Ниа, когда он вернулся домой. Я пыталась это представить, но когда знаешь только одну сторону истории, это не помогает.

Я всё ещё пытаюсь нарисовать игрока, который учится.

Каждая версия не закончена. На каждой я оставляю дверь чуть больше приоткрытой.